

19 СЕН 1976

Здравствуй и прощай

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ ГОРЬКОВСКОГО ТЮЗА

Влюбленный слеп. Но страсти зримый след ведет его, где зрячим хода нет. Так говорит Низами. Так пришла «театры юных зрителей» к вечерним спектаклям с пьесами Шекспира, Чехова и Вампилова. Педагогические оправдания явились позже — очень убедительные (разговор с подростками на импонирующем им художественном языке, воспитание правдой, поэтическое введение в прозу жизни), а начиналось это с брожения в самих тюзовских труппах. В жизни детских театров много детства: возрастной обидчивости, мальчишеских грандиозных планов и острого чувства эстетической справедливости. Молодые актеры и режиссеры хитят творить на своей сцене то самое искусство, которое они, по Станиславскому, любят в себе, а не какое-то процененное «тюзовское». И когда впервые — уже довольно давно — в сказках про козу-дерезу и змея-горыныча появились шутки и пародии, понятные только самим актерам, и когда самые трудные или самые модные пьесы «взрослых» театров стали играть в тюзях «для старших классов и молодежи», — возможно, это и воспринималось как некоторая недисциплинированность. Во всяком случае, происходило это не по расчету, а по любви. Но если бы этого тогда не произошло — теперешних детей нельзя было бы загнать в «идею» театр иначе, как всем классом под надзором учителя, а старшие ребята даже и не предлагали бы, что для них тут может быть что-нибудь подходящее. А теперь в тюзях аншлаги, во многих городах их любят больше, чем свой «областной драматический», и если критика начинает обстреливать какую-то тюзовскую постановку, то не исполнили, как в прошлом, а из орудий крупного калибра.

Вот чего они достигли в жизни. Детская мечта — утвердить свою самостоятельность — сбылась для этих скромных, небогатых и вечно озбоченных трупп, и общекультурное значение этого факта намного важнее, чем успех или неуспех отдельных театров и спектаклей. Есть великоопытные тюзы, есть слабые, но вот московская публика, не зная заранее о Горьковском ТЮЗе ничего, раскупала билеты на его гастроли быстрее и охотнее, чем на многие другие. Такая теперь репутация у всего направления.

Горьковский ТЮЗ идет вторым эшелоним. Направление победило раньше, чем вышли на сцену те актеры, которые играют сейчас тут главные молодые роли, и режиссер Б. Наравцевич ставил «Бумбараша», «Двенадцатую ночь», «Прощание в июне», не боясь, что для тюза «того нельзя и сего нельзя». Все можно. Форму не придется отстаивать, ил один прием не встретит в зале сопротивления или непонимания. Молодежная труппа, в которой есть явно начинающие актеры, играет перед молодежной аудиторией, в которой полно зрителей тоже без всякого эстетического опыта, но обе стороны как будто застрахованы и от сюрпризов, и от разочарований. Зал не только ждет «находок», но и примерно знает, какого рода они будут. И такими они и оказываются. Спектаклями Б. Наравцевича (и большинства его коллег — современных тюзовских режиссеров), внешне столь подвижным, бравадным и атакующим, свойственна спокойная уверенность в себе, и это потому, что им свойственна также здоровая уверенность в своем зрителе. Если бы детские театры в свое время не отстаивали права на «полную гамму чувств», такого взаимопонимания сейчас не было бы.

«Монтаж эпизодов» (или даже «аттракционов»), «наплывы» и «ретроспекции» — все это по нынешним временам принимается зрителем, во всяком случае молодым, как должное, и если когда-то избрется для того, чтобы разрушить привычное восприятие, то теперь смотрится не с большим напряжением ума, чем «Ну, погоди!». А тягостное пережевывание застасанных мыслей, интеллектуальное и художественное топтание на месте возможно и при самом быстром «монтаже».

Современная форма так же легко плодит лентяев в зале и притворщиков на сцене, как и форма традиционная. В то же время плохой спектакль так же легко объяснить важными воспитательными задачами, которые стоят перед тюзями, как и хороший. Трудно другое — пригвоздить этого юного зрителя к его креслу, обратить его взор «зрачками в душу».

Такова жизнь.

«Учась в первом классе гимназии, я был выбит из повседневной колеи приездом цирка», — начинает свое жизнеописание мемуарист прошлого века. В те времена первое посещение театра запоминалось на всю жизнь — оно ошарашивало. Так было и в эпоху создания первых тюзов. Театр был учителем жизни потому что впечатлени, которые он давал, в самой жизни получить было нельзя. Теперь же, как выразился один зритель, выходя из театра, «если я не могу регулировать голоса актеров, как в своем телевизоре, я уже не получаю никакого удовольствия». Когда нынешнему театру удастся заполнить в свой зал самого юного зрителя, с первого же раза выясняется, что «выбит из колеи» его нечем. И действовать надо в самой этой «колее». Поэтому нынешний тюз начинает с демонстрации чисто театральных приемов и средств, которых нет в кино, которые малоэффективны на телевидении и которые могут конкурировать по зрелищности с детскими играми, футбольными матчами и рассматриванием уличных витрин. В Горьковском ТЮЗе роль этого вводного аттракциона выполняют пушкинская «Сказка о царе Салтане» в постановке Р. Левите и «Разноцветные стражицы» Маршак в постановке Б. Наравцевича, в обоих случаях с решающим участием театрального художника С. Бархина. И дальше театру надо бдительно и рьяно следить за изменением нравов, вкусов и влечений своих зрителей из года в год, и точно так же следить за собой, то есть за мировым театральным процессом, чтобы на каждом этапе и при любой погоде уловлять в свои сети крепнущие умы и сердца. Приходит время, когда пора внушить им любовь к великим авторам: не уважение — этому учат в школе, а живую любовь. Шекспир и Мольер, Толстой и Достоевский совершенно беззащитны перед вялой репликой «Ну и что?», — и с ней нельзя справиться одной только «верностью пропятия», потому-то из всех ролей превосходного горьковского актера А. Палева мы выделяем его Мальволио и господина Журдена: он сыграл, как обидели глупого и чопорного дворецкого и как обманули влиятельного и добродушного мешанина во дворянстве, и сделал это не по программе какого-нибудь «переосмысления», а по свойству своей артистической природы, и чем больше вокруг него «карнавальности» и «искрометности» (как ни старайся, в телевизионных «Бенефисах» их всегда будет еще больше, так что, может быть, пора уже и не стараться), тем более искренней и трогательней кажется взятая им тихая нота. Спектаклям можно сказать «Ну и что?», этому актеру — нет... И наконец настала минута прощания. Зритель перестает быть юним. «Выпускной» спектакль Горьковского ТЮЗа — «Прощание в июне» Александра Вампилова. Лучший спектакль гастрелей, вероятно, и вообще один из лучших спектаклей этой труппы. Путевка в жизнь.

Водевильная по завязке и даже по всей сюжетной структуре, жесткая и угрюмая по неумолимой логичности конфликта, а в развязке дающая возможность оценить происшедшее по-разному или вообще применить с оценкой (не меняя ни слова, можно сыграть финал так, чтобы все кончалось «хорошо», и так, чтобы все кончалось «плохо»), пьеса Вампилова как-то очень сильно захватила режиссера и его актеров. Даже в комедийных эпизодах они суровы и точны, как хирург во время операции: своего выпускника, зрителя своих сказок и мюзиклов они предупреждают этим спектаклем, что в жизни ему самому придется наказывать пороки и вознаграждать добродетель.

А. АСАГАН.